

УДК 94 (392)

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ УВАРОВСКОЙ ТРИАДЫ

Папаяни Ф. А.

Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

E-mail: f.papayani@mail.ru

Россия находится в условиях гибридной войны с США, но не имеет внятной идеологии. Цель статьи – обосновать идеологему, которая могла бы объединить патриотические силы народов бывшего Советского Союза. На основе анализа, компаративистики и историко-генетического метода осуществлена попытка всестороннего исследования триады «Православие, Самодержавие, Народность». Рассмотрены генезис уваровской триады, включая корреляцию с известными тернарными идеологемами первой половины XIX века. Дан анализ причин исключительной популярности уваровской триады, поднимающей энергию воли и заявляющей о трех столпах русской государственности. С методологической точки зрения рассмотрены последующие пути эволюции уваровской триады, приводившие на разных исторических отрезках к ее модификации, отрицанию одного из членов триады (а, значит, к обрушению всей конструкции), дополнениям и полному отрицанием тернарного целого. Показано, что современная адаптация этой триады возможна и целесообразна. Неоидеологема «Традиция, Империя, Народность» трактуется как адаптация уваровской триады для современных реалий постсоветского пространства. Такой адаптацией достигается не только перспективный вектор государственного строительства, но и консенсус между современными «красными» и «белыми», различными этносами, а также между верующими разных конфессий.

Ключевые слова: идеологема, православие, самодержавие, народность, традиция, империя.

Россия находится в состоянии гибридной войны с США, но не имеет не только внятной идеологии, но даже идеологемы-призыва, поднимающего энергию воли патриотов Отечества. На войне, как известно, без идеологической мотивации трудно одержать победу. Поэтому поиск современной идеологемы-призыва является актуальным, если не сказать – жизненно необходимым для России. В царской России была такая триада, предложенная С. С. Уваровым, – «Православие, Самодержавие, Народность», объединяющая консервативные патриотические силы России. Эта знаменитая тернарная формула в современном политическом пространстве звучит редко, в основном в ортодоксально консервативных кругах, таких как, например, «Русское собрание» [1].

Исследованиям уваровской триады посвящены исследования Г. Ю. Любарского [2], А. Миллера [3], А. В. Гульги [4], в основном в историко-генетическом контексте без намерения адаптировать триаду к современным условиям.

Исчерпан ли потенциал уваровской триады? Возможна ли ее адаптация для нынешней России и постсоветского пространства? Ответы на эти вопросы

составили содержание представленной статьи. На основе историко-генетического метода, компаративистики и анализа в статье осуществлена попытка всестороннего исследования знаменитой уваровской триады «Православие, Самодержавие, Народность» с целью обоснования такой ее современной модификации, которая могла бы объединить разновекторные патриотические силы России и шире – народов бывшего СССР.

О генезисе тернарной идеологии. В 1483 г. Т. Торквемада провозгласил главный лозунг-триаду для Испании – «Народ, империя, религия», кратко выразивший государственную идеологию [2, с. 45]. Безусловно, эта триада имела претензию на имперскую универсальность, указывая на три основы государственности. Лаконично и точно выраженная суть имперской идеологии, необходимой в то время для религиозного и политического объединения Испании, триада на века обрела идеологическую эталонность для строительства или регенерации имперских государственных образований.

В свою очередь, в начале XIX в. в Российской империи оформился девиз «За Веру, Царя и Отечество» («За Бога, Царя и Отечество»), получивший затем широкое распространение, поскольку лаконично и эмоционально-мажорно отражал стародавние традиционные заповеди русского воинства. Авторство триады неизвестно, но ее популярность привела к тому, что в 1812 г. девиз появился на Ополченском кресте – знаке Государственного ополчения Императора Александра I, а спустя 70 лет он появляется на Большом Государственном Гербе Российской империи.

Измененная версия этого популярного девиза и триады Т. Торквемады, предложенная графом С. С. Уваровым («Православие, Самодержавие, Народность»), была ориентирована уже не только на воинство, но и на широкие гражданские слои населения, и в первую очередь на интеллигенцию, занятую в сфере образования, а также студентов и гимназистов. С. С. Уваров, будучи по духу и должности государственным деятелем, имел консервативные взгляды на просвещение, науку и литературу. Иначе говоря, он имел воззрения, направленные на сохранение и укрепление государственности, которые были им изложены при вступлении в должность министра народного просвещения, в его докладе императору [5]. В версии С. С. Уварова триада претендовала на основополагающую идеологию России, апологию политики Николая I. Позднее триада «Православие, Самодержавие, Народность» стала знаковой идеологией консолидации консервативных политических сил, выступающих за свой, самобытно-русский (отличный от западного) путь исторического развития.

Триаду С. С. Уварова можно рассматривать как формулу идеологического тернарного монизма. В первоначальном наброске письма Государю Императору в марте 1832 г. С. С. Уваров формулирует триаду так: «...чтобы Россия усиливалась, чтобы она благоденствовала, чтобы она жила – нам осталось три великих государственных начала, а именно: 1. Национальная религия. 2. Самодержавие. 3. Народность» [6]. На первом месте стоит национальная религия, что позволяет предложить, с одной стороны, равно уважительное отношение к религиям всех входящих в империю народов, с другой – в его текстах не обнаруживается никакого

насильственного стремления к единству вероисповедания, никакого навязывания православия. А сделанный позднее акцент на православии обусловлен религиозной традицией русского народа как доминирующего титульного культурного этноса империи. «Без любви к Вере предков, – считает С. С. Уваров, – народ, как и частный человек, должны погибнуть» [7, с. 304]. Тем более что справедливость замены понятия «национальная религия» на «православие» подтверждается тем, что, согласно историческим данным, православие сыграло первостепенную роль в становлении русской государственности [8]. В IX в. греческие монахи-миссионеры пришли на Русь, построили много монастырей, с традицией их строительства как окраинных крепостей. Затем княжества Руси (с признаками конфедерации) были объединены Владимиром Великим в X в. христианской верой, а позднее окраинные монастыри стали реперными точками границы единого русского государства, ставшего впоследствии мировой империей [9]. «Российская держава создана Вселенской Церковью» [9]. В царской России 1830-х гг. первый член окончательного варианта триады («Православие») воспринимался вполне естественно, как создатель русской государственности, как традиционная вера предков, как высочайший нравственный идеал, не вызывая вопросов к этому самому идеалу и прений по нему.

Второй член формулы – «Самодержавие» – требовал пояснений, которые были даны С. С. Уваровым. Он так определяет роль самодержавия: «Приняв химеры ограничения власти монарха, равенства прав всех сословий, национального представительства на европейский манер, мнимой конституционной формой правления, колосс [С. С. Уваров имел в виду Российскую империю, вставшую на путь реформ. – Ф. П.] не протянет и двух недель. Более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены». Самодержавие трактуется С. С. Уваровым как «консервативный принцип, как инструмент сохранения империи в ее нынешнем виде» [3]. При всем уважении к монархической форме правления и лично к императору для С. С. Уварова главной ценностью, тем не менее, была именно империя, которая «сохраняет византийское понимание религии, Бога (опять же христианского) и несет его Западу, и за это она должна быть Западом вознаграждена, вознаграждена уважением» [3]. С. С. Уваров понял и поднял одну из важных задач-миссий, о которой многие будут потом говорить. Это задача цивилизационной привлекательности русско-имперского центра не только силы, но и культурной традиции (Третьего Рима).

Между тем, акцентируя внимание на традиции самодержавия и самоуправления в Российской империи, И. Л. Солоневич справедливо отметил их своеобразие, то, что они не могут быть определены терминологически. Путь их определения и понимания один – исторический: «русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительное и типично русское: «диктатура совести», как несколько афористически определил его В. С. Соловьев» [10, с. 55]. К этому можно добавить, что, согласно православному сознанию, «самодержавие – для народа, а не наоборот» [9]. Более того, русский народ нуждается в самодержавии: «Единство народа требует зрелого, очевидного, духовно-волевого

воплощения: единство центра, лица, персоны, живого единоличного носителя, выражающего правовую волю и государственный дух народа» [11, с. 457].

Что же касается третьего члена триады – «Народности», то последний не был детально расшифрован С. С. Уваровым. После Декабрьского восстания 1825 г. атмосфера в высших политических кругах империи была такова, что рассуждения о народности при отсутствии должной дипломатичности могли привести к опале, что не входило в планы графа. Будучи министром народного просвещения, он имел иную задачу – физически (на скамьях университетских аудиторий) и ценностно-идеологически объединить дворян и разночинцев, в равной степени необходимых для строительства государственности. С. С. Уваровым был сделан вывод о том, что цель всей образовательной деятельности империи – в «приноровлении... всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу» [7, с. 361]. То есть, говоря о народности, С. С. Уваров имел в виду дискурс исключительно «народного образования». Говоря о поздних мутациях понятия «народность», в первую очередь, следует упомянуть движение народничества, включающего как революционное, так и либеральное направления. Народничество провозглашало защиту интересов народа, под которым понималось только крестьянство, «светлое» будущее которого виделось исключительно в общинном социализме [12].

Следует отметить, что размышляя об этой триаде, как формуле русской культуры, А. В. Гулыга писал: «Нация – это общность святынь, религия – их создатель и хранитель» [4, с. 53]. При этом А. В. Гулыга вполне резонно замечает, что каждый из членов триады имеет причинное расположение, что само по себе методологически ценно для понимания сути византизма, в том числе его русской модификации. Так, «...самодержавие вытекает из православия: царь – помазанник Божий. Он носитель не только внешней власти, но и высшей благодати...» [4, с. 56].

Согласно убеждению современного исследователя А. Д. Каплина, «Уваровская триада – это не просто эпизод, этап русской мысли, истории первой половины XIX в. С. С. Уваров, пусть и в сжатой форме, обратил внимание на коренные русские начала <...> смысл коренных начал в сегодняшней жизни видится таким: подлинное православие и восстанавливаемое на его основе духовно-хозяйственно-культурно-бытовое своеобразие. А такое изменение содержания неизбежно будет способствовать и наиболее органичному государственному устройению» [13, с. 257].

В XIX–XX вв. эволюция уваровской триады как принципа единства трех столпов русской жизни шла весьма драматичными путями. С методологической точки зрения их четыре: 1) внутритернарная модификация; 2) отрицание одного из членов триады, а значит, обрушение всей конструкции; 3) дополнение и обновление как кодификация столпов русской жизни; 4) метафизическое отрицание всего тернарного целого.

В первом случае можно говорить о Н. Я. Данилевском как об идеологе панславизма. Его триада выражается несколько иначе: «Православие. Славянство. Крестьянский надел». Н. Я. Данилевский, имея геополитический дискурс, выделяет России и всеславянскому союзу миссию обновления исторической жизни всего человечества [14].

Во втором случае движение народничества полностью отрицает институт самодержавия как подлежащий полному социальному демонтажу в надежде, что основой построения «русского социализма» (А. И. Герцен) станет «крестьянская поземельная община» [12].

Третий вариант представлен творчеством представителей русского консерватизма К. Н. Леонтьева [15], И. А. Ильина [16] и других, которые уточнили и дополнили триаду С. С. Уварова «экономикой», «бытом», «наукой», «искусством», «правом» и т. п. Причем основной оставалась конструкция, где православной составляющей отдан приоритет, с условием государственной опеки и при широком народном участии. К этому варианту также можно отнести корректировку черносотенцев. В 1900 г. в России была создана православно-консервативно-монархическая общественно-политическая организация «Русское Собрание» (1900–1917 гг.), куда входили как монархисты-черносотенцы, так и другие национально-ориентированные патриоты. В их трудах предлагалась несколько видоизмененная уваровская триада: «Православие. Самодержавие. Русская народность». Иначе говоря, народность у черносотенцев была дополнена национальным акцентом [17].

В четвертом случае марксисты (В. И. Ульянов) напрочь отвергали православно-монархически-народностную тернарность. И именно этот вариант оказался для России роковым. Российская империя в 1917 г. рухнула, а ее руины на некоторое время «похоронили» уваровскую триаду. Взамен появилась проверенная Великой французской революцией знаменитая масонская триада «Свобода, равенство, братство» и большевистская тетрада «Власть Советам! Фабрики рабочим! Землю крестьянам! Мир народам!». Позднее советско-сталинскую мутацию уваровской триады могла бы формально выражать формула «Марксистская идеология, советская империя, коллективно-народная экономика», хотя она и не была таким образом артикулирована. Популярным на фронтах Великой Отечественной войны был солдатский девиз: «За Родину, за Сталина!», который в усеченной форме диады отражал рефлексию стародавнего девиза русского воинства «За Веру, Царя и Отечество!». Триадная речевка советского времени вроде: «Ленин, партия, комсомол!» или лозунг «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» и близко не приближались ни по смыслу, ни по идеологической ценности к тому, чтобы серьезно претендовать на тернарные идеологемы. К великому сожалению, идеал конца советского периода, доминирующий над иными нравственно возвышенными идеологемами, негласно характеризовался потребительской триадой «Квартира, дача, машина». Затем (в том числе и по этой, идеологической причине) рухнул и Советский Союз. Основную идеологему 1990-х гг. (время «дикой приватизации» и потери государственного суверенитета) для формально деидеологизированной России фактически отражала новая формула: «вера в западно-либеральную демократию, полураспад государства-империи, свободно-дикий антинародный рынок». Эта формула, разумеется, не была артикулирована, хотя фактически предопределяла скорый развал уже самой РФ как осколка бывшей сверхдержавы. Но Россия выстояла, взяв с 2000 г. курс на постепенный отказ от последней самоубийственной формулы. Однако и переход к уваровской триаде пока не

проявился, обозначена лишь его тенденция. В этой тенденции, согласно О. Платонову, «главными духовными идеалами современной русской мысли остаются духовная цельность, неразрывность веры и жизни, добротолубие, соборность, нестяжательство, державность и патриотизм» [18, С. 8]. Однако новая триада «Вера, Держава, Народ» [18, С. 8], формально более всего созвучная тринарному лозунгу Т. Торквемады («Народ, империя, религия»), требует уточнения для отечественных условий, во-первых, для сохранения неразрывной связи именно с русскими национальными идеями прошлых веков, а во-вторых, для ее современной адаптации. Возможна ли такая адаптация?

Советский Союз распался на 15 республик. Более 25 лет республики развивались самостоятельно, не как столетиями раньше, под эгидой единого имперского центра, формирующего то общее, что их объединяло, а, наоборот, под влиянием местных национальных элит, ищущих и обосновывающих свою непохожесть, отличительность от всех других для оправдания своей независимой от центра власти. Именно для этих политических реалий жизненно необходимо адаптировать уваровскую триаду, если, конечно, она адаптируема в принципе. Идеологический голод, ностальгия по национальной триаде ищут своего удовлетворения.

О первом члене триады. В известном смысле православие находится в состоянии восстановления, оно пока далеко от былого статуса второй составляющей «симфонии властей», который был в царской России. Поскольку народы бывшего СССР в большей или меньшей степени четверть века идут по пути восстановления национальных традиций, включающих в первую очередь национально-традиционные вероисповедания и культуры, то именно традиция является цементирующей основой воссоединения народов. Именно традиция в самом широком смысле опирается на религиозно-нравственную идею, лежащую в основании культуры каждого народа. Иначе говоря, опора на традицию означает в первую очередь опору на традиционную для каждого народа религию. Как показывает исторический опыт, народы (в отличие от политиков) ориентированы на восстановление традиций и мира, а не на конфронтацию и крушение традиций, обусловленных гегемонистскими устремлениями США. Тем более что либерализм исчерпал свои ресурсы и находится на краю своей гибели: в наше время главный его ресурс – отнюдь не привлекательность либерально-нравственных концепций, а финансово-политический. Последний подвел Запад к неизбежности экономического коллапса (как прогнозируемому концу любой финансовой пирамиды), а посему – к смене как финансового, так и политического курса США и в целом Запада. В Западной Европе провалился проект мультикультурализма, о чем свидетельствуют набирающие популярность партии и движения националистов-традиционалистов во Франции, Германии и Скандинавии. Для народов бывшего СССР приемлемыми остаются нравственные идеи их традиционных религий.

«Православие» как первый член уваровской триады в нынешней межгосударственной, этнической и политической ситуации может быть адаптирован категорией «традиция» как объединяющий народы фактор – не только народов России и Российской Федерации, но и всего постсоветского пространства.

Под традицией имеется в виду прежде всего возврат к культурно-религиозным, этническим корням и ценностям. Для Русского народа – это то самое уваровское православие, которое превращает русских из народа-богоборца времен советской власти в народ-богоносец. Но даже если РФ сделает православие официальной государственной религией, речь ни в коем случае не идет о том, что православное государство будет директивно навязывать своим гражданам духовную и ритуальную составляющую христианской религии. Согласно византийско-русской православной традиции, церковь принимает в свои ряды только тех, кто стремится к ней по собственной и свободной воле, а вера и религия – личное дело и выбор каждого. Свобода совести должна быть в любом государстве, уважающем своих граждан. Речь идет только о принятии единых нравственных норм, без чего общество неминуемо саморазрушается. В условиях засилья материалистических и либеральных установок в умах соотечественников речь может идти только о нравственной составляющей христианства как отеческой культурной традиции, речь идет лишь о возвышающем нравственном идеале.

Для тюркских постсоветских народов Средней Азии «традиция» ассоциируется в основном с Исламом. И это естественно, ведь у каждого этноса – своя культурная традиция. Это вполне нормально для цивилизационной империи как симфонии культур. Опыт Российской империи убедительно показал возможность полной и благотворной совместимости многовекового сосуществования православных и мусульман. С другой стороны, мир исламской традиции не сможет самостоятельно выстоять против нынешнего «крестового похода» Запада, о чем свидетельствуют реалии Афганистана, Ирака, Ливии и Сирии. Нужно объединяться против гегемонии Запада и давления либерализма, безжалостно уничтожающего религиозную и культурную идентичность. И наилучшим естественным союзником мусульман здесь может оказаться воссозданная в новых формах Российская империя.

С другой стороны, для народов бывшего СССР понятие «традиция» включает не только царско-православный, но и советский периоды, которые в своих нравственных устремлениях 70–80-х гг. стали достаточно близки, во многом преемственны, поэтому могут бесконфликтно сосуществовать. Примирение современных «красных» (коммунистов, социалистов) и современных «белых» (православных империалистов) возможно на основе идеи объединения лучших традиций прошлого (советского и царского времени). В советское время сформировались новые, исключительно положительные традиции: в образовании, здравоохранении, военном строительстве и т. п. Все лучшее из этих традиций можно и нужно сохранить, в том числе сохранить многие госмонополии (государственная собственность на природные ресурсы, энергосистемы, торговлю спиртным, табаком и другие). Таким образом, под современной интерпретацией «традиции» следует иметь в виду возврат не только к культурно-религиозным, этническим корням и ценностям, но также и возврат ко всему ценному наследию СССР (традиций в образовании, науке, культуре, медицине, спорте, возврат к многим госмонополиям). Единство так понимаемой «традиции» – в многообразии, если не сказать в сумме, традиций. В этом же идеологическом направлении

синтеза всего значимого и ценного из всех периодов бытия русской цивилизации предлагает двигаться и Патриарх Московский и вся Руси Кирилл. Его формула гласит: «вера – справедливость – солидарность – достоинство – державность» [19, с. 69].

О втором члене уваровской триады. Как было указано выше, для С. С. Уварова главной ценностью был не царский трон сам по себе, а именно – империя. Империя может иметь разные формы правления. Например, в Римской империи были периоды диархии (правление двух) и даже тетрархии (правление четырех). Однако самым эффективным и устойчивым (что доказано временем правления) является монархия (правление одного), в русском звучании – это самодержавие.

В последнее время гибридная война между США и Россией все чаще имеет признаки «горячей» фазы (например в Сирии). А на войне можно победить лишь при жесткой централизации власти верховного главнокомандующего. То есть единовластного правителя. Таким образом, война практически реанимирует институт абсолютной монархии во имя боеспособности государства. Несмотря на политические мифы о монархиях, несмотря на всю архаичность звучания терминов «царь» или «король», привитую идеологиями XX в., монархии в Европе – это отнюдь не миф, а реальность. В современной Европе существует 13 монархий, в их числе Великобритания, Швеция, Норвегия, Нидерланды, Дания, Испания и другие. Да, редкостью является абсолютная монархия, когда в руках монарха сосредоточена исполнительная, военная и судебная власть. Ватикан, например, является абсолютной монархией, хотя и теократической. Современные монархии являются, как правило, конституционными, при которых реальная законодательная власть принадлежит парламенту, а исполнительная – правительству. При этом полномочия монарха могут быть достаточно существенными, как в Великобритании: без одобрения монарха не может быть утвержден ни премьер, ни министр обороны. Из существующих европейских монархов претензию на титул императора (короля королей) имеет лишь британская корона. Дело в том, что либеральная демократия «трещит по швам» и посему не обеспечивает более интересы мировой олигархии, нуждающейся в сильной власти. Поэтому имперско-монархическая рефлексия XXI в. имеет все шансы на реабилитацию этой формы правления.

Анализируя имперскую форму государственности, следует отметить, что главной геополитической тенденцией мировой истории является постоянное стремление к формированию империй как инструмента экономического, культурного и политического влияния, вплоть до мирового господства. Примеры тому – Персидская, Римская, Византийская, Татаро-монгольская, Османская, Германская, Британская, Австро-венгерская, Российская империи. Для СССР, современной России, США и КНР, в полном смысле империями не являющимися и императоров не имевших, тем не менее характерны существенные имперские признаки, позволяющие условно отнести их к «квазиимпериям» как мощным геополитическим образованиям, распространяющим свое имперское влияние на весь мир. Поэтому неслучайно З. Бжезинский любит сравнивать США с Римской империей [20], Советский Союз американские политики называли «империей зла».

Неслучайно герб США – одноглавый орел Римской империи, а герб России – двуглавый орел Византийской империи.

На исторические процессы вполне можно смотреть через призму борьбы всех вышеназванных империй и квазиимперий. Малым государствам остается рассчитывать лишь на благосклонность упомянутых тяжеловесов геополитики. Таким государствам приходится становиться вассалами или союзниками империй (квазиимперий), послушно плыть в фарватере их политики и идеологии.

Развивая имперскую апологию и имперскую аксиологию С. С. Уварова, следует отметить, что единство цивилизационной империи – в единстве множества населяющих ее народов. Для граждан цивилизационной империи, независимо от национальности и вероисповедания, является честью ей служить (что было нормой в имперской России, независимо от того, кто ты: немец, татарин или русский), а не прислуживать. Народам комфортно в цивилизационной империи, поскольку любые формы национальной исключительности жестко пресекаются, никому не позволено притеснять малые народы. В Российской империи не было прибалтийских «лесных братьев», ОУН, УПА или иных массовых организаций нацистов, поскольку в ней провинции сохраняли свой национальный уклад, а национальные элиты вливались в имперскую элиту. Цивилизационная империя, по А. А. Проханову, – «это симфония. Это симфония народов, симфония языков, симфония пространств, симфония культур и верований. Это организация разрозненного, рассеченного человечества в огромную симфонию. Поэтому не надо бояться слова “империя”»[21]... История свидетельствует, что имперская форма объединения народов более стабильна, более долговечна, чем федерации, конфедерации или, тем более, содружества или союзы, организованные на основе межгосударственных договоров. Русский народ (великороссы-русские, малороссы-украинцы и белоруссы-белорусы) и дружественные им народы бывшей Российской империи стоят перед политическим выбором: стать вассальской периферией (далеко даже не провинцией, а лишь сырьевым придатком) Запада или стать свободными от этой варварской квазиимперии, восстановив свою цивилизационную, отеческую империю, которая всегда мирно сосуществовала со всеми этносами и которая способна защитить себя и других. Возрождение отеческой империи можно рассматривать как реализацию естественного права постсоветских народов на жизнь и суверенитет.

Второй член уваровской триады может быть адаптирован к современным политическим реалиям путем использования понятия «империя» при полной общественной реабилитации этого понятия.

О третьем члене уваровской триады. С. С. Уваров под народностью понимал некую социальную страту, а не этап национального становления в цепи «группа – народность – народ – нация». В этом контексте «народность» не может ограничиваться только вопросами образования, как это было артикулировано в XIX в. С. С. Уваровым. С одной стороны, методология гуманитарного образования (как в целом и культура) должна опираться на соответствующую религиозно-нравственную идею. С другой стороны, народность (как социальная страта) в современной интерпретации должна рассматриваться шире – политически,

демократически, и возможностей (например, социального «лифта») в их советском толковании. Народность – это еще и такой тип солидарности, при котором каждый член общества, воспитанный на традиционных ценностях и имперском единении, ощущает себя нужной клеткой единого государственного организма, именуемого Россией. Такое современное понимание народности само по себе созвучно стремлению современных левых (коммунистов, социалистов) к социальной справедливости и не противоречит православному вероучению, исламу и другим традиционным конфессиям.

По Конституции Российской Федерации, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной», а в Конституции Донецкой народной республики «признается идеологическое и политическое разнообразие». Но разве история знает примеры побед в войнах без идеологической мотивации? Если сегодня курс на разработку и принятие обществом идеологического концепта не видится тривиальной задачей, то принятие объединяющей идеологемы – вполне реально. Для народов бывшего СССР неоидаологема «Традиция, Империя, Народность» артикулируется как современная и рациональная адаптация уваровской триады. Под «традицией», в первую очередь, имеется в виду возврат к собственным культурно-религиозным, этническим корням и ценностям, а также уважительное, бережное отношение ко всем народам и к их культурам. Под «империей» понимается цивилизационная форма государственного устройства многонационального и многоконфессионального образования – как семья народов, как симфония культур. Под «народностью» понимаются такие элементы народовластия, как сочетание широкого использования референдумов и народного представительства в местных органах самоуправления, а также реальное равноправие в его советском толковании.

Таким образом, идеологема «Традиция, Империя, Народность» по своей сути провозглашает патриотический консенсус не только между разновекторными политическими силами, но и между разными этносами и верующими разных конфессий всего постсоветского пространства. Эта триада имеет все основания стать ядром нарождающейся идеологии России.

Список литературы

1. Русская народная линия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruskline.ru/> (Дата обращения: 13.06.2018).
2. Любарский Г. Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие / Г. Ю. Любарский. – М.: Изд-во КМК, 2000. – 449 с.
3. Миллер А. Триада графа Уварова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/> (Дата обращения: 05.03.2007).
4. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы / А. В. Гулыга. – М.: Соратник, 1995. – 320 с.
5. Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Типография В. С. Балашева, 1876. – Т. 3. Изд. 2. – 700 с.
6. Уваров С. С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. – М.: НЛО, 1997. – № 26. – С. 96–100.
7. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2011. – 880 с.

8. Ишин А. В. Концепция «Москва – Третий Рим»: геополитическое измерение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). – 2016. – № 1. – С. 3-8.
9. Махнач В. В. Снова о параметрах христианской политики: вчера и сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/statii/2001/20011019-mahnach.html> (Дата обращения: 16.11.2016).
10. Солоневич И. Л. Народная монархия / И. Л. Солоневич. – Мн.: Лучи Софии, 1998. – 504 с.
11. Ильин И. А. О монархии и республике // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.
12. Герцен А. И. Русский народ и социализм / А. И. Герцен. – Берлин: Мысль, 1921. – 64 с.
13. Российская государственность и современность: проблемы идентичности и исторической преемственности. (К 1150-летию образования Государства Российского). Материалы международной научной конференции. – М.: РИСИ, 2012. – 396 с.
14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский – М.: Книга, 1991. – 558 с.
15. Леонтьев К. Н. Избранное / К. Н. Леонтьев. – М.: Рарогъ: Моск. рабочий, 1993. – 397 с.
16. Ильин И. А. Наши задачи. Собрание сочинений: В 10 т. / И. А. Ильин. Т. 2. Кн. 1. – М. 1993. – 496 с.
17. Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. – СПб.: Царское дело, Русская народная линия, 2015. – 736 с.
18. Вера, Держава, Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. редактор О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1200 с.
19. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире / Сост. А. В. Щипков. – М.: Всемирный Русский народный собор, 2015. – 120 с.
20. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2010. – 256 с.
21. Поханов А. А. Александр Проханов: «Было бы страшно потерять идею Новороссии...» // Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля». – Донецк, 2015. – № 6 (9). – С. 43–47.

Papayani F.A. Present-day Interpretation of Uvarov Triad // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 26–37.

Russia has been facing a hybrid war with the USA but has no clear ideology. The paper aims to substantiate an ideologeme uniting patriotic forces. Based on the historico-genetic method and analysis, the author attempts to thoroughly examine the triad “Orthodoxy, Autocracy, Demos”. It looks into the genesis of Uvarov’s triad, including its correlation with well-known ternary ideologemes of the first half of the 19th century. The paper analyzes some causes of exceptional popularity of Uvarov’s triad which declares three pillars of Russian statehood. There are subsequent evolution ways of Uvarov’s triad examined from the methodological point of view, which brought about its modification, mutation and even temporary liquidation during different historical periods. It is shown that current adaptation of this triad is possible and expedient. The neoideologeme "Tradition, Empire, Demos" is articulated as adaptation of Uvarov’s triad for present-day realities of the post-Soviet space. Such adaptation secures not only a prospective vector of state formation but also a consensus between contemporary ‘red’ and ‘white’ forces, various ethnoses as well as believers of different confessions.

Key words: ideologeme, Orthodoxy, autocracy, demos, adaptation, tradition, empire, state formation.

References

1. Russkaya narodnaya liniya [Russian People's Line]. URL: <http://ruskline.ru/>. (Accessed: 13 June 2018).
2. Lyubarskii G.Yu. Morfologiya istorii: sravnitel'nyi metod i istoricheskoe razvitie [Morphology of History: Comparative Method and Historical Development]. Moscow, KMK Publishing House, 2000, 449 p.
3. Miller. A. Triada grafa Uvarova [Count Uvarov's Triad]. URL: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/>.(Accessed: 05 March 2007).
4. Gulyga A.V. Russkaya ideya i ee tvortsy [Russian Idea and Its Authors]. Moscow, Soratnik, 1995, 320 p.
5. Sbornik Postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. [Collection of Regulations Related to the Ministry of People's Education]. St. Petersburg, V.S. Balashev's Printing House, 1876. Volume 3. Issue 2. 700 p.
6. Uvarov S.S. Pis'mo Nikolayu I [Letter to Nicholas I]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literature Review]. Moscow, NLO, 1997, No. 26, P. 96-100.
7. Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl'. Pervaya polovina XIX veka. Khrestomatiya. [Russian Socio-Political Idea. First Half of the 19th Century. Chrestomathy]. Moscow, Moscow State University Press, 2011, 880 p.
8. Ishin A.V. Kontseptsiya «Moskva – Tretii Rim»: geopoliticheskoe izmerenie [Conception 'Moscow – Third Rome': Geopolitical Dimension]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology]. Vol. 2 (68), 2016, No. 1, P. 3-8.
9. Makhnach V.V. Snova o parametrakh khristianskoi politiki: vchera i segodnya [Going Back to the Parameters of Christian Policy: Yesterday and Today]. URL:<http://www.hrono.ru/statii/2001/20011019-mahnach.html>. (Accessed: 16 November 2016).
10. Solonevich I.L. Narodnaya monarkhiya [People's Monarchy]. Minsk, Beacons of Sophia, 1998, 504 p.
11. Il'in I.A. O monarkhii i respublike [On Monarchy and Republic]. Collected works in 10 volumes. Moscow, Russkaya Kniga, 1994, Volume 4, 624 p.
12. Gertsen A.I. Russkii narod i sotsializm [The Russian People and Socialism]. Berlin, Mysl' [Mysl] Publ., 1921, 64 p.
13. Rossiiskaya gosudarstvennost' i sovremennost': problemy identichnosti i istoricheskoi preemstvennosti. (K 1150-letiyu obrazovaniya Gosudarstva Rossiiskogo). Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Russian Statehood and Contemporaneity: Identity and Historical Succession Challenges. Toward the 1150-year Anniversary of Setting up the Russian State. Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, RISI, 2012, 396 p.
14. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991, 558 p.
15. Leont'ev K.N. Izbrannoe [Selected Works]. Moscow, Rarog Publ, Moskovskii rabochii Publ., 1993, 397 p.
16. Il'in I.A. Nashi zadachi. Sobranie sochinenii: V 10 t. [Our Tasks. Collected Works: In 10 volumes]. Volume 2. Book 1. Moscow, 1993, 496 p.
17. Pravaya Rossiya. Zhizneopisaniya russkikh monarkhistov nachala 20 veka [The Right Russia. Life History of Russian Monarchists of the Early 20th Century]. Compiled by A.A. Ivanov, A.D. Stepanov. St. Petersburg: Tsarskoe delo [Tsar's business], Russkaya narodnaya liniya [Russian People's Line], 2015, 736 p.
18. Vera, Derzhava, Narod: Russkaya Mysl' Kontsa XX Veka – nachala XXI Veka [Faith, State, People: Russian Thought of the Late 20th – Early 21st Centuries]. Executive Editor O.A. Platonov. Moscow, The Institute of Russian Civilization, 2016, 1200 p.
19. Kirill, Patriarkh Moskovskii i vseya Rusi. Sem' slov o Russkom mire [Cyril, Patriarch of Moscow and all Russia. Seven Words about Russian World]. Compiled by A.V. Shchipkov. Moscow: Vsemirnyi Russkii Narodnyi Sobor [Ecumenical Russian People's Convocation], 2015, 120 p.
20. Bzhezinskii Z. Velikaya shakhmatnaya doska [Great Chessboard]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations], 2010, 256 p.
21. Prokhanov A.A. Aleksandr Prokhanov: «Bylo by strashno poteryat' ideyu Novorossii...» [Prokhanov 'It Would be Dreadful to Lose the Idea of Novorossiya...']. Zhurnal Izborskogo kluba Novorossii «Novaya zemlya» [Journal "Novaya Zemlya" of Izborsky Club of Novorossiya]. Donetsk, 2015, No. 6(9), P. 43-47.